

БАНИЩЕ

Повесть

0. Этюд

— Ой, ребята, идите вдвоем, у меня к завтрашнему занятию прозаический этюд не готов! — воскликнула светловолосая студентка в цветастом сарафане, укладывая на подоконник лист бумаги и ручку.

— Ну, и напишешь его в парке, — посоветовала подруга, опираясь на плечо высокого парня, в самых дверях. — Ведь по норме там должно быть не более ста слов, какая мелочь! Что ж теперь из-за уроков вечеру пропадать.

— Ну да, — подтвердил парень. — Например, опишешь там с «чертова колеса» идиллию «Малыш и мама» или «Духовой оркестр седых ветеранов». Могу предложить «Нравы танцплощадки», с хулиганами и дружинниками...

— Нет, я остаюсь! — решительно возвестила светловолосая, засветившись одуванчиком в розоватом проеме вечернего окна. — Опишу закат. Прямо здесь, на подоконнике.

— Как оригинально! — насмешливо выдохнула подруга, состроив улыбку восхищения.

— Назови его тогда «Миллионный закат из окна старого общежития», — поддержал подругу парень, обращаясь к «одуванчику», и вдруг картинно вскинул руку: — Внимание, замри там!..

— Зачем? — удивилась светловолосая.

Парень продекламировал:

«Пряный вечер. Гаснут зори. По траве ползет туман. У плетня на косогоре забелел твой сарафан».

Подруга посмотрела на своего спутника с мягким укором, просквозила ревнивая нотка:

— А разве этюдам дают названия?..

1. Наган и маузер

Выстрелил — и промахнулся.

Вспорхнули, роняя перья, и забегали по двору, поднимая пыль, перепуганные куры, бестолково загоготали потревоженные гуси.

Казак-хозяин, удивленный, оборотился.

— Это ты мне в спину пальнул, что ль, ваше благородие? — и пошел на Ивана. — А дети мои?.. Хлеб мой крадешь, так еще кормильца от семьи отымаешь?

Иван отступил к воротам, оглядываясь — нет помощи, разбрелись соратники по другим дворам — и попытался еще раз, в упор...

Осечка!

Удар кулаком в лицо сбил Ивана с ног, наган отлетел в сторону. Казак — вилы наперевес — приставил блестящие жала к Ивановой груди, навис косматой гибелью.

— Жалко тебя, парень. Потому как морда юнкерская, не офицерская... Молод. Жалко! Уйдешь восвояси? Иль прискобить тебя, ирода, к земле-матушке, как немца я, бывало, пикой?..

— Уйду, отец, — сказал Иван как можно спокойней, не двигаясь.

— А в спину опять не пульнешь, ваше благородие? Креста нет, понятно, а хоть честь-то имеешь?

— Имею...

— То-то! — казак бросил вилы и двинулся в сторону дома.

Иван, не вставая, торопливо подобрал наган, крутанул барабан и, скрежеща зубами, почти не целясь, выстрелил в широкую спину.

Мужик дрогнул всем большим телом и обернулся, опять удивленный.

Не попал!

Еще!..

Осечка!

«Неужели конец?» — подумал Иван, видя, как мужик опять нагибается за вилами.

Но скрипнули ворота, и тут же бабахнуло, вспыхнуло над Иваном, — и казак согнулся, застонал, упал, захрипел, скрючиваясь, как гусеница.

Прочернело над Иваном — как в ад завалился: курные кудри, вороненый ствол, угольные глаза, черные губы. И горячий шепот:

— Жив?..

Это Марта со своим маузером. Как успела, бестия?

Завыла овдовевшая баба, заголосили осиротевшие ребятишки. Сбежались из соседних дворов сопровождающие: встревоженные, винтовки наизготовку.

— Что, товарищ уполномоченный? Как же вы один-то во двор?..

— Напал он на меня, с вилами... Там схорон в коровнике, — указал Иван, плюясь зло и кроваво. — Грузите!..

И, уходя со двора, услышал за спиной разговор:

— Командир — чистый зверь, ничего не боится!

— Страху в ем нет, эт точно! Герой, одно слово!

— Ишь, с Мартой бугая завалили, всему селу под дых врезали! Щас дела пойдут!..

Скрип и стон телег, конский храп и топот, покрик возниц... Обоз, ошестинившись штыками и грозясь дороге и лесу тупыми стволами пулеметов «Максим», возвращался с добычей.

Марта молчала, отвернувшись и свесив ноги с телеги, курила.

— Товарищ Марта! — шутиливо окликнул ее Иван, возлежа на соломе головой к пулемету. — Благодарю за спасение! Вовремя вы успели... Извините за причиненное беспокойство. Если б не осечка, я б и сам... Не сомневайтесь, наше дело правое. Справедливость — понятие классовое. С людьми — по-людски, а с классово чуждым элементом...

В ответ — то же молчание, только новая папироска.

— Ладно, с меня следующая контра в твой зачет! — опять пытался шутить Иван.

Он притянул к себе Мартину сумку, валявшуюся около маузеровой кобуры, вынул документ, пробежал глазами сверху вниз. Улыбаясь, наслонявил карандаш, подчеркнул несколько строчек, подал листок Марте через ее чуть вздернутое, угловатое плечо.

— Знакомая тебе грамота, товарищ комиссар, но, может, что-то из нее забыла? Освежи!

Марта, вся кожаная, хрустит. Со спины видно: читает известный ей документ, но только подчеркнутое:

«...требуйте действительно, неотступно безоговорочного выполнения разверсток, сдачи продовольствия. Не ждите самотека: делайте нажим, принуждайте к сдаче... В случаях особого упорства, прямого отказа — применяйте самые суровые меры. Прибегая к последнему — будьте осторожны, осмотрительны: строго учитите все обстоятельства, предъявите угрозу и, решившись действовать, не допускайте колебаний — идите до конца, наносите сокрушительный удар быстро и безошибочно».

Марта, не оборачиваясь, возвратила листок через плечо.

Иван закипал. Подбросил с телеги гибкое тело, сел, вытряхнул из сумки прямо на солому все бумаги: потрепанные и новые листки, вырезки из газет.

— Ах, староват документ, товарищ Марта? Так я могу вам и поновей предложить. Хотя и он несвеж... — выкрикнул в кожаную спину: — Что-то у вас с памятью, как я погляжу! — трясущимися от возбуждения руками порывлся в ворохе, нашел. — Вот. Об указе председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова, царствие ему небесное!.. В котором говорится о проведении беспощадного террора по отношению к казакам!.. Знакомо?

Марта молчала. Иван рванул ее за плечо, повернул к себе, зашипел гневно:

— А ты помнишь, эсерка одесская, что в марте на митинге в Орле забросала его, товарища Якова, камнями неосознательная масса, оттого и вскорости в ящик загремел? И тут же вспыхнули восстания против продразверстки в Самаре и в Симбирске! Сейчас же вся Антанта объединилась против Советской республики! Колчак ожил на востоке... Совпало?.. Как бы не так! Не дадут они нам покоя, пока мы их под корень не ликвидируем. Вот она революция, друг Марта: или они нас, или мы их — понятно? Обратной дороги нет! Это тебе не с трибуны красоты болтать, агитаторша, свиной кожей обтянутая!

Марта виновато приникла к груди Ивана:

— Уймись! Ну, пойми же ты меня. Я ведь женщина!..

Иван гневно оттолкнул Марту от себя, еще больше возвысил голос:

— В прошлом месяце, коварно, ночью, казачки твои жалеемые напали и уничтожили нашего легендарного начдива — товарища Чапаева! Мамонов взял Тамбов, двинулся к Воронежу! Деникин захватил Одессу, Курск, наступает на Москву! Юденич рвется к Петрограду!.. Это как? Вот в какое время живем! Люди на передовой кровь проливают, на нас с тобой надеются. А ты казачкам жалеешь?.. А как они, царские опричники, наши студенческие демонстрации разгоняли? У меня до сих пор следы на спине, как ты знаешь!.. А погромы? Тебе ли рассказывать? Кто на погромах больше всех лютует? Это они, их донские братья, разбудили все контрреволюционные силы, породили Белое движение, тьфу на него! А что ты женщина — так это ты в другой раз вспоминай.

— Да утихомирься ты! Что ты на меня-то зубами скрипишь, как на все Белое движение вместе взятое? Дети...

— Заткнись! — грубо оборвал Иван. — Не пропадет твое казацкое отродье, в деревне-то! А вот этот хлеб, — Иван махнул рукой на обоз, растянувшийся впереди, — который для тех контрреволюционных семей явный излишек, пойдет на питание наших товарищей, рабочего класса, студенчества, сознательной интеллигенции, на провизию Красной армии, у которой еще ох сколько дел! Оставь города без хлеба — кончится революция, придут буржуи, опять наденут на нас ярмо! И на того же крестьянина — в первую очередь!.. А тебя, недобитую дочь раввина, неведомо как сохранившуюся в пожаре якобы народного гнева, зажженного жандармерией, вышлют на черту оседлости, если не шлепнут раньше! Нет, ну вы гляньте! — Иван развел руками и картинно огляделся. — Это выходит: я своего комиссара за Советскую власть агитирую!.. Дожили!

Марта хотела съязвить: дескать, благодаря нам, на того крестьянина ярмо уж не наденут. Но она знала характер Ивана, недоучившегося студента с еще не сложившейся, но уже подорванной психикой: если не возражать, то скоро выговорится, успокоится и вновь станет прежним, как ни в чем не бывало. Поэтому дождалась окончания бури и только тогда сказала воркующим укором:

— А вот вы, товарищ уполномоченный, оказывается, не точно исполняете предписания военно-продовольственной телеграммы предсовнаркома.

— Неужели?

— Да! Там написано: «будьте осторожны, осмотрительны», — и погладила поврежденный лацкан кожаной куртки своего спутника. — Приедем, зашью.

— Как же, — усмехнулся Иван, — зашьешь! Болтаешь гораздо лучше!..

Правда: шила Марта, как Иван стрелял, плохо. Хотя и в годах уже — старше Ивана на десяток лет, чуть ли не в матери годилась. «Одесская гулена, портовая шалава, наводчица», — так клеймил ее Иван в частые минуты гнева — но она все ему прощала. Ласковая, добрая, чудесная женщина. И, как все женщины, жалостливая и противоречивая. Ах, революция, кого только ты не мобилизовала в свои жестокие ряды!

Марта, переходя в наступление (ох уж эти женские хитрости), сделала вид, что обиделась на последние слова, и как будто не было всего предыдущего разговора.

— Зато стреляешь ты хорошо, Марта, — поправился Иван. — Дырки сейчас делать нужнее, чем заплатки лепить! — и засмеялся по-ребячи своей шутке.

И для них уже обоих — как будто не было сегодняшних смертельных волнений, смертельных дел.

А как иначе в такой жизни!

Ведь вот завтра она, верная подруга и соратница, поведет обоз с недельным сбором зерна в уезд, а он, Иван, останется здесь, в волости. День кончается, выходит одна только ночь в остатке... Одна из — или последняя из... Поэтому: ладно, заметано. Были сегодня неприятности, да все вышли. Забыть!

Да и вечер, будто живой, понимает, предвещает хорошее: радостный пожарный закат, небо — словно клюквы надавили да по своду размазали... Солнце — как красное сказочное яичко, примяло у горизонта лесную грядку... Ладная нынче осень, теплая, не дождливая. И теплую зиму пророчит, по местным приметам... Эх, с какой радостью поверил бы вдруг Иван, вовсе не суеверный, в приметы! Загадал бы желание: добрый закат — не только б к теплой зиме, не только б к урожаю, но и к добру бы для всего рабоче-крестьянского народа матушки России, вздыбленной, истерзанной, избитой...

Но, увы, верится только на ближнее — на час, на день, на сутки... И то — из того, что видится, слышится, знается... Ведь чудес не бывает! Вот и сейчас: уверен Иван, что закончится день — только этот, осязаемый день! — удачно, что не сунутся к обозу гайдамаки.

Гайдамаками здесь прозвали лесную банду из белогвардейцев, казаков, бывших монахов и даже безродной бедноты. Главное дело ватаги — нападение на продуктовые обозы. Уничтожают, с показательной жестокостью, сопровождающих, награбленное частью забирают себе, частью отдают крестьянам, то есть, по их словам, возвращают народу.

Иван подозревает, что местные крестьяне, особенно казачья их часть, состоят в устойчивом сговоре с гайдамаками. Как же иначе объяснить, что нападают разбойники вблизи сел и деревень, а население с охотой разбирает добро с обозов после того, как там отработают эти заплечных дел мастера; и все нападения проходят шито-крыто: свидетелей нет, шайка как испаряется!..

Но вот они уже и дома: кончился лес, показалась полуразрушенная колокольня на берегу реки, издали рябая из-за многочисленных выбоин, следов от снарядов и пуль — от недавних боев, когда пришлось силой и хитростью выкуривать из монастыря засевших там офицеров из Добровольческой армии, поддержанных монахами. Сейчас в монастыре располагался волостной склад продразверстки, в котором уже несколько месяцев дневал и ночевал Иван, выполняя задание партии.

Сегодня его отряд хорошо поработал, и пела душа в уставшем теле: еще один рывок, еще один шаг к светлому будущему!..

2. Софист